

Шэнь Моцин, сосредоточенно глядя на него долгое время, в конце концов не выдержал хмеля и рухнул на стол.

Е Чанцзянь окинул взглядом всю Ночную переправу под звон ветра. Почти все здесь были уже пьяны, валялись кто где.

Он цокнул языком, поднял кувшин с вином и направился вглубь помещения. С громким стуком он поставил «Хмельной Фейерверк» перед Хуа Фэйсюэ.

— По одному! Не уйдём, пока не напьёмся!

Хуа Фэйсюэ, у которого и так была злость, некуда деть, усмехнулся:

— Малыш, ты ещё слишком молод, чтобы соревноваться с дедом в питье!

Хуа Фэйсюэ был старым призраком, умершим сотни лет назад.

Е Чанцзянь дерзко улыбался, глядя на него свысока:

— В моём словаре нет слова «бояться»!

Прошло ещё четыре дня и три ночи, и весь Отряд призрачных воинов был повален вином Е Чанцзянем.

Хуа Фэйсюэ обнимал кувшин, отрыгнул:

— Старею... Старею... В мои молодые годы я бы справился с десятком таких, как ты!

С этими словами он упал на землю, обратившись в чёрный дым, который рассеялся в воздухе.

Остальные члены Отряда призрачных воинов также один за другим обратились в чёрный дым, вернувшись в царство мёртвых.

Луна висела высоко.

Янь Учан отвечал за то, чтобы отнести пьяных по комнатам.

Е Чанцзянь сидел, развалившись на столе. В его глазах мелькнуло что-то томное, он громко смеялся и запрокинув голову жадно пил вино. Когда последняя капля вина исчезла в его горле, он потряс пустым кувшином и недовольно крикнул:

— Второй брат, неси ещё один кувшин «Хмельного Фейерверка»!

Возможно, из-за опьянения у него начались галлюцинации: с луны спустилась величественная и холодная фигура.

— Ты пришёл выпить? Но всё уже закончилось.

Е Чанцзянь смутно улыбнулся ему.

Его лицо было изысканно красивым, щёки покраснели от вина, и в опьянении он казался чарующим, но эта улыбка была чистой и невинной.

Человек наклонился, подхватил его на руки и, легко оттолкнувшись, унёс прочь.

Когда Янь Учан вышел, он не увидел Е Чанцзяня на столе и подумал, что тот, вероятно, сам вернулся в комнату.

Е Чанцзянь прижался к груди этого человека, руки невольно обвили его шею.

Так тепло.

Человек ступал по крышам, веткам, скалам... Наконец он мягко опустился с Е Чанцзянем на утёс у моря.

Волны бились о скалы, солёный морской ветер дул в лицо, заставляя подступить тошноту и кружиться голову.

Он не знал, зачем тот привёл его к морю, и не знал, был ли это всё ещё сон.

— Как тебя зовут?

Он забыл, сколько раз уже задавал этот вопрос.

— Я снова забыл, что это сон.

Человек смотрел на Е Чанцзяня долгое время, затем медленно произнёс:

— Бай Уя.

Волна накатила на берег, заглушая этот холодный голос.

Е Чанцзянь уснул.

Он почувствовал, как кто-то лижет его лицо, и махнул рукой:

— Второй брат, не шали.

Но боль на лице лишь усилилась.

Е Чанцзянь, нахмурившись, открыл глаза. Первым делом он увидел пару золотистых глаз, а затем — маленькое пушистое тело. Пауза. Он спросил:

— Кот?

Он сел, голова ещё болела. Он надавил на несколько точек, чтобы снять похмелье, и внимательно осмотрел белого кота.

— С каких пор в Ночной переправе под звон ветра есть коты?

Едва он это сказал, красный свет ударил в глаза.

Он обернулся. Туман стал тоньше, горизонт наливался красным. В мгновение ока всё солнце выплыло из моря, окрашивая воды в великолепные багряные тона. Вид был потрясающий, ослепительный.

Е Чанцзянь улыбнулся, щурясь:

— Красиво, правда? Восход в Ночной переправе под звон ветра — самый красивый из тех, что я видел.

Когда восход закончился, он снова посмотрел на кота, но того и след простыл.

Е Чанцзянь хлопнул себя по лбу:

— Наверное, это галлюцинация от похмелья. Куда в Ночной переправе под звон ветра котам? Тьфу, да и не на кота это было похоже. Коты такие свирепые не бывают?

Он пробормотал это себе под нос, потирая голову, и вернулся в Бамбуковый двор, где плюхнулся на кровать и снова захрапел.

— Все будут практиковать приёмы, которые я только что дал, в этой долине. Не уходите далеко.

Голос Тан Тана вернул Е Чанцзяня из воспоминаний.

Он думал, что за эти годы память сотрётся, как ветер, но она въелась в кости.

Ученики Меча уже разошлись по Долине Ста Цветов, чтобы практиковаться.

Е Чанцзянь огляделся. Янь Уюй и трусливый ученик за ним то открывали, то закрывали руки перед бутонем цветка, словно фокусники. Е Чанцзянь невольно улыбнулся.

Янь Уюй услышал этот смех и обернулся. Увидев Е Чанцзяня, он расхохотался, прикрывая рот рукой и указывая на него.

Е Чанцзянь удивился:

— У меня на лице цветок?

— У тебя в волосах!

Е Чанцзянь с недоумением потянулся к волосам и обнаружил, что там заткнут роскошный цветок мудань.

Он вытащил цветок. Какой смельчак решится подшутить над Е Чанцзянем, маленьким тираном?

Кроме Тан Цзянли, который с самого начала урока не отходил от него ни на шаг.

Е Чанцзянь, вертя в руках мудань, поднял брови и посмотрел на Тан Цзянли:

— Тьфу-тьфу-тьфу, мастер Тан, с такими навыками, на какую фею ты собираешься их использовать?

Тот бросил на него спокойный взгляд.

В его светло-золотистых глазах читалось безмолвное послание.

— Тан Цзянли, если бы твои глаза не были такими холодными, когда ты смотришь на людей, какая фея не пала бы к твоим ногам? — сказал Е Чанцзянь и небрежно бросил мудань в воздух.
— Услуга за услугу.

Один мудань превратился в тысячи цветов, дождём рассыпавшихся вокруг и упавших на волосы, плечи и ноги Тан Цзянли, окружив его со всех сторон.

Под дождём из муданей эти двое выглядели как сошедшие с небес божества: один — изысканный и утончённый, другой — невероятно красивый. Картина.

Вокруг раздались свист и смех.

Янь Уюй вздохнул:

— Если бы Ли Цзюньянь был здесь, он бы уже орал: «Женитесь!»

В этот момент сзади раздался пронзительный крик.

— А-а-а!

Е Чанцзянь тут же перестал смеяться и обернулся. Крик принадлежал робкому ученику, стоявшему за Янь Уюем, а перед ним бутон цветка «расцвёл»!

Яркие тычинки превратились в ужасающую пасть монстра, некогда скромный цветок теперь зиял кровавым ртом, усеянным серебристыми острыми зубами, между которыми капала зловонная слизь.

Е Чанцзянь напрягся, мысли пронеслись молнией. Цветок-людоед!

Цветок-людоед растёт в местах, где скапливаются злые духи и обиды, питаясь человеческой кровью, поэтому в почве под ним лежат груды костей.

Как в Долине Ста Цветов, полной духовной энергии, мог появиться Цветок-людоед?

Юноша, издавший крик, стоял как вкопанный, и из пасти Цветка-людоеда внезапно выстрелил язык, покрытый шипами, обвинил его талию и потянул к себе.

В критический момент Е Чанцзянь скомандовал, применив «Смену формы, подмену тени», и мгновенно переместился за спину юноши, обхватив его руками за талию, не давая языку увлечь его.

— Больно! Так больно!

Шипы на языке впились в одежду, прорезая её до крови. Юноша побледнел от боли, слёзы градом катились по его лицу.

Е Чанцзянь уже собирался использовать «Искусство Управления Огнём», чтобы сжечь Цветок-людоеда, как вдруг мелькнула белая тень, и раздался звон клинка.

Взмах меча — и язык Цветка-людоеда был отрублен пополам. С влажным стуком половина, обвивающая талию юноши, упала на землю, а вторая половина втягивалась обратно.

Е Чанцзянь поднял голову: Тан Цзянли стоял с мечом, закрывая собой их.

Тан Тан тоже заметил переполюх и поспешил к ним, заслонив собой, и крикнул:

— Назад!

— Шшш-а-а-а!

Цветок-людоед, лишившись языка, издал пронзительный и хриплый вопль. Небольшой цветок

вдруг резко вырос в размерах, словно гора, нависшая над ними. Его ветви быстро метались в воздухе, свистя и поднимая ветер. Он размахивал клешнями, бесчисленные листья и лепестки оторвались от стебля и, словно метательные ножи, обрушились на них градом.

— «Зелёная жемчужина», защита!

В мгновение ока Тан Тан сложил печати, и из его ладоней вылетели светящиеся частицы, растворившись в траве.

Лепестки османтуса, рассыпанные по траве, поднялись в воздух и собрались в огромный жёлтый символ тайцзи, сформировав защитный барьер между летящими ножами и людьми.

Ножи, коснувшись символа тайцзи, поглощались им.

— Силой моего духа, рассеки!

Тан Тан быстро начертил в воздухе заклинание и взмахом руки послал символ тайцзи вперёд.

<http://bllate.org/book/16478/1496735>